

Маленький спросил: «А куда исчезает любовь, когда мы умираем и уходим на небо? Ты будешь любить меня, когда меня не станет?»

Большой взял Маленького на руки, и они вместе смотрели на сверкающие звезды, на плывущую по небу луну. «Взгляни, Маленький. Видишь, как ярко горят звезды? А ведь многие из них давным-давно погасли... Но свет их все летит к нам в ночной темноте. Вот и любовь, как звездный свет, не умирает никогда...»

Деби Глиори. Что бы ни случилось

ПРОЛОГ

Я просто обязан был что-то почувствовать. Что-то такое, о чем обычно пишут в книгах: мороз по коже, застывшее напряжение в воздухе, зловещие нотки в завывании ветра... Какой-нибудь тайный знак, понятный лишь мне и Элизабет. Есть несчастья, которых мы почти ожидаем (пример тому — случай с моими родителями); другие же сваливаются на нас внезапно, сокрушая все, что составляло смысл нашего существования. Вот моя жизнь до трагедии. Вот — после. Ничего общего.

В день годовщины Элизабет казалась понурой. Я не придал этому значения: моя жена с детства имела склонность к меланхолии и частенько погружалась в глубокую задумчивость. Однако в тот вечер мне впервые показалось, что между нами возникла некая отчужденность. А может быть, я все это выдумал позже? К тому моменту наши отношения выдержали многое, и я размышлял, выдержат ли они еще и *эту* правду. Или, в случае если я решу промолчать, эту ложь.

Кондиционер рычал, будучи включен на максимум, снаружи было жарко и влажно — типичный для этих мест август. По мосту Милфорд мы пере-

секли Делавэрское ущелье и, заплатив дружелюбному служащему, въехали в Пенсильванию. Еще через десять миль, увидев надпись на камне, гласившую: «Озеро Шармейн — частное владение», я свернул на проселочную дорогу.

Пыль захрустела под шинами, как под копытами арабского скакуна. Элизабет приглушила радио. Краешком глаза я заметил, что она изучает мой профиль, и у меня екнуло сердце. Справа промелькнули два оленя, щиплющих листья. Звери было встревожились, однако, осознав, что мы не представляем никакой опасности, вернулись к прерванной трапезе. И вот озеро. Солнце уже садилось. Его умирающий свет окрашивал небо в оранжевый и пурпурный; верхушки деревьев будто охвачены огнем.

— Не могу поверить, что мы снова здесь, — сказал я.

— Ты же сам все это придумал.

— Да, но тогда мне было двенадцать!

Элизабет сдержанно улыбнулась. Редкий подарок, каждая ее улыбка надолго оставалась в моей душе.

— Это романтично, — заявила она.

— Это ерунда.

— А я люблю романтику.

— Ты любишь ерунду.

— Ты ведь сам заводишься каждый раз, когда мы сюда приезжаем.

— Ну, тогда мое имя — мистер Романтик.

Жена засмеялась и взяла меня за руку.

— Пойдем, мистер Романтик, а то темнеет.

Озеро Шармейн. Это название придумал мой дед, и оно буквально выводило бабушку из себя.

Бабушке, видите ли, хотелось, чтобы озеро назвали в ее честь — озеро Берты. А дед сделал вид, что не понял. Два очка в его пользу.

Пятьдесят с лишним лет назад здесь располагался летний лагерь для богатеньких детишек. Видно, дети порядком допекли владельца озера, потому что он буквально за гроши продал и его, и всю окружающую территорию моему деду. Дед снес бóльшую часть строений, оставив и подремонтировав только директорский домик. Правда, в глубине леса, куда он не имел привычки заглядывать, сохранилось несколько полуразрушенных домушек. Я вместе с сестрой Линдой обожал играть там в прятки, разыскивать пыльные сокровища, выслеживать Лешего, в существовании которого мы были уверены, как в своем собственном. Элизабет редко присоединялась к нашим походам. Она любила обжитые места, а загадки ее пугали.

Как только мы вышли из машины, меня окружили духи прошлого. Полным-полно духов, кружащихся вокруг и настойчиво требующих внимания. Выиграл, как всегда, отец. Тишина на озере стояла оглушительная, и все-таки я бы мог поклясться, что слышу, как он с радостным воплем летит с мостков — колени прижаты к груди, на лице — сияющая улыбка, упоение от восторга, светящегося в глазах его единственного сына, — и с оглушительным плеском рушится в воду возле загорающей на плоту мамы. Она ругает отца и смеется.

Я моргнул, и видения отступили. Но смех мамы, крик отца, плеск воды все еще слышались в тишине озера, и я подумал, что, возможно, отзвуки тех дней не затихли навсегда, что где-то в верхушках

деревьев до сих пор звучат голоса моих родителей. Мысль, согласен, не самая умная.

Воспоминания, знаете ли, ранят. А приятные — особенно.

— Все в порядке, Бек? — окликнула меня Элизабет.

Я повернулся к ней:

— Если не ошибаюсь, мне пора начинать заводиться?

— Извращенец.

Элизабет двинулась вперед по тропинке — подбородок поднят, спина прямая, — и я вспомнил, как впервые увидел эту походку. Я ехал по крутой и ветреной Гудхарт-роуд на велосипеде с бананово-желтым сиденьем и изображением Бэтмена на раме. Ехал без рук, как и подобает крутому семилетнему парню. Ветер откидывал назад волосы и выжимал слезы из глаз, я пропустил фургон, проезжавший мимо старого дома Раскинов, повернул за угол и — вот моя Элизабет! Она шла там с самодельным браслетом на руке, прямая, надменная и невероятно веснушчатая.

Две недели спустя мы встретились в школе, во втором классе, у мисс Собел и с тех пор — только не улыбайтесь, — с тех пор были неразлучны. Взрослые и посмеивались над нами, и недоумевали; детская дружба переросла сначала в первую любовь, потом в подростковую увлеченность, а вскоре и в юношескую страсть. Все ждали, когда же мы наконец перерастем наши отношения. Все, даже мы сами. Мы были неглупыми ребятами, особенно Элизабет, — первые ученики в классе и так далее, — поэтому прекрасно сознавали странность ситуации.

Только вот мы здесь, уже двадцатипятилетние, семь месяцев как женатые, на том самом месте, где впервые по-настоящему поцеловались.

Слащаво звучит, я знаю.

Ветви деревьев загораживали узкую сырую тропинку, приходилось все время отводить их в сторону. Воздух был напоен смолистым ароматом сосен, из густой травы позади нас с жужжанием поднимались тучи mosкитов и другой летучей мелочи. Тени деревьев сплетались в невероятные фигуры, которые можно было толковать так же свободно, как плывущие в небе облака или пятна в тесте Роршаха.

Мы свернули в гущу кустарника и начали продираться к заветной цели. Элизабет по-прежнему шла впереди, я в двух шагах за ней. Теперь это кажется почти символичным, а тогда я считал, будто ничто не может нас разлучить, и доказательство тому — долгая история нашей любви. И я виноват в том, что так беззаботно отпустил ее от себя.

Виноват.

Элизабет свернула вправо, к большому продолговатому камню, возле которого и росло ТО САМОЕ дерево. Наши инициалы были глубоко врезаны в кору.

Э. П.

+

Д. Б.

Ну и конечно, сердечко вокруг. Под всем этим недоразумением было процарапано двенадцать линий, по числу лет, прошедших со дня нашего первого поцелуя. Я чуть было не ляпнул что-то о сентиментальных недоумках, однако, посмотрев на ли-

цо Элизабет, потерявшее к тому времени значительную часть веснушек, на линию подбородка, на длинную, грациозную шею, спокойные зеленые глаза, темные, заплетенные в густую косу волосы, промолчал. В тот момент я чуть было не рассказал ей все, но что-то меня остановило.

— Я тебя люблю, — сказал я.

— Уже прослезился?

— А как же!

— Я тоже тебя люблю.

— Ага! — злорадно парировал я. — Сама не лучше!

Элизабет улыbnулась — как мне показалось, не очень уверенно. Я обнял ее. Когда, двенадцать лет назад, мы наконец-то набрались смелости поцеловаться по-настоящему, от нее пахло чисто вымытыми волосами и клубничными конфетами. Тогда я был ошеломлен новизной ощущений. Теперь от моей жены пахло сиренью и корицей, а я почувствовал, как поцелуй, подобно теплomu светящемуся облачку, поднимается из самых глубин сердца. Я до сих пор испытывал шок, когда ее язык касался моего. Элизабет отстранилась и перевела дыхание.

— Уступаю тебе почетное право, — сказала она и отдала ножик, чтобы я вырезал на дереве тринадцатую линию. Тринадцать. Теперь это кажется предзнаменованием.

Когда мы вернулись к озеру, уже стемнело, луна плыла по небу одиноким маячком. Было очень тихо, даже сверчки почему-то молчали. Мы быстро разделись, я взглянул на Элизабет в лунном свете

и почувствовал комок в горле. Она нырнула первой, почти беззвучно, я неуклюже прыгнул за ней. Вода оказалась неожиданно теплой. Элизабет плыла, делая четкие, уверенные гребки, волны будто расступались перед ней, я с плеском двигался следом. Звук разлетались по поверхности озера, как брошенные ловкой рукой камешки. Элизабет повернулась ко мне, мы обнялись. Я всегда любил прикасаться к ее коже. Она прижалась всем телом, я слышал ее дыхание и чувствовал биение сердца. Такие живые звуки. Мы поцеловались. Мои руки скользнули по ее спине...

После — а прошло все просто замечательно — я подтянул к себе плот и рухнул на него, переводя дух. Ноги свободно болтались в воде. Элизабет нахмурилась:

- Ты что, собираешься отвернуться и уснуть?
- И даже захрапеть.
- Ох уж эти мужчины!

Я улегся на спину, закинув руки за голову. Тучи закрыли луну, ночь стала еще черней. Воздух был неподвижен, я отчетливо слышал, как Элизабет выходит из воды на мостки, и даже разглядел ее обнаженный силуэт. Стоит ли говорить, что она была сногсшибательна. Я наблюдал, как жена, наклонившись, выжимает волосы и, выпрямившись, откидывает их назад.

На меня опять нахлынули мысли о недавнем происшествии, я все еще не верил в него до конца. Плот сносило течением, он отплывал все дальше и дальше от пристани, я начал терять Элизабет из виду. В тот момент, когда ее силуэт окончательно пропал в темноте, я вдруг решил: расскажу ей

все! На меня нахлынуло невероятное облегчение. Волны с тихим шорохом бились о плот.

И тут хлопнула дверца машины.

Я рывком сел.

— Элизабет?

Тишина, слышно лишь мое прерывистое дыхание.

Я попытался разглядеть, что происходит. Тьма стояла непроглядная, но на какое-то мгновение показалось, что я увидел жену. Она стояла, молча рассматривая меня. И вдруг исчезла.

Я поморгал и снова взгляделся в темноту. Тщетно.

Сердце ушло у меня в пятки.

— Элизабет!

Нет ответа.

Я запаниковал. Нырнул с плота и поплыл к берегу. Казалось, что я чересчур громко гребу руками. Так громко, что не слышу происходящего на берегу. Я остановился.

— Элизабет!

Ни звука. Тучи все еще закрывали луну. Может, Элизабет зашла в купальню? Или просто решила достать что-то из машины? Я открыл рот, чтобы позвать еще раз.

И тут услышал ее крик.

Я опустил голову и поплыл. Поплыл так быстро, как только мог, руки и ноги лихорадочно колодили воду. К несчастью, до мостков было слишком далеко. Я попытался хоть что-нибудь разглядеть, но луна все не показывалась.

Послышались звуки борьбы, вскрики, будто кого-то тащили силком.

Наконец я увидел причал. До него оставалось шагов двадцать, не больше. Я начал грести еще быстрее. Легкие горели, я наглотался воды, руки рывками двигали тело вперед. Вот она — лестница! Я вцепился в нее и с усилием выдернул себя из воды. После Элизабет мостки еще оставались влажными. Я взгляделся в сторону купальни и ничего не увидел.

— Элизабет!

Что-то вроде бейсбольной биты воткнулось мне в солнечное сплетение. Я разинул рот и согнулся пополам, пытаюсь вздохнуть. И опять удар, теперь по затылку. В череп будто забили огромный гвоздь. Колени подломились, я упал и, ничего не соображая, схватился руками за голову, пытаюсь унять боль. И тут меня ударили прямо в лицо.

Теряя сознание, я рухнул в озеро. Элизабет закричала снова — на этот раз мое имя, — но все звуки затихли, и я ушел под воду.

ГЛАВА 1

Восемь лет спустя

Очередная малолетка разрывает мне сердце.

Карие глаза, курчавые волосы, белозубая улыбка. Ей четырнадцать и...

— Ты беременна?

— Да, доктор Бек.

Я старался не зажмуриться. Это далеко не первая девочка, пришедшая на прием с подобной новостью. Не первая даже за сегодня. Я работаю педиатром в клинике Вашингтон-Хайтс с тех пор, как пять лет назад окончил ординатуру в находящемся поблизости Колумбийском пресвитерианском медицинском центре. Согласно программе «Медикэйд», мы помогаем нуждающемуся (читай: бедному) населению: терапия, гинекология и, конечно, педиатрия. Потому многие и считают меня добреньким благотворителем. Они ошибаются. Я люблю свою работу, и мне скучно быть педиатром в каком-нибудь богатом пригороде, общаться со спортивными мамочками и наманикюренными папочками, в общем, с людьми вроде меня.

— И что ты собираешься делать? — спросил я.

— Не я, а мы с Тереллом. Мы очень счастливы, доктор Бек.

— А сколько Тереллу лет?

— Шестнадцать.

Она взирала на меня, радостно улыбаясь. Мне опять захотелось зажмуриться.

Самое шокирующее, что бóльшая часть подобных беременностей неслучайна. Дети хотят иметь детей, и никто не принимает это в расчет. Да, с ними говорят о контроле рождаемости, предохранении, воздержании и тому подобном. Однако у их крутых друзей уже есть дети, и к ним привлечено всеобщее внимание. «Эй, Терелл, а почему бы и нам не...»

— Он меня любит, — сообщила четырнадцатилетка.

— Ты говорила с мамой?

— Нет еще. — Она сконфузилась и сразу стала выглядеть на свои четырнадцать. — Я думала, вы поможете.

— Разумеется, — кивнул я.

Я уже давно не осуждал их. Я слушал. Впитывал. Несколько лет назад я бы прочел девочке лекцию. Тогда я свысока глядел на своих бестолковых пациентов и обрушивал на их головы горы сведений о саморазрушении и деградации. Но вот однажды, холодным манхэттенским утром, одна из них, изможденная семнадцатилетняя женщина, ожидавшая третьего ребенка от третьего отца, посмотрела мне прямо в глаза и сказала сущую правду: «Вы не знаете, как я живу».

Меня здорово встряхнула эта фраза. Я перестал разыгрывать белого миссионера и стал просто хорошим доктором. Я окружу девочку и ее ребенка все-

возможной заботой и не стану объяснять маленькой дурочке, что Терелл скоро исчезнет из ее жизни, что она уже испортила себе будущее и, вероятно, родит еще парочку детей от других отцов до того, как ей исполнится двадцать.

Если думать об этом слишком много, начнешь сходить с ума.

Мы поговорили еще несколько минут. Вернее, говорила девочка, а я слушал. Моя смотровая, исполняющая также обязанности офиса, была размером с тюремную камеру (только не подумайте, что я знаю это по собственному опыту), со стенами, выкрашенными в веселенький зеленый цвет, каким красят душевые в школах. Таблица зрения (та, где вы должны называть буквы) висела напротив двери, выцветшие картинки из диснеевских мультфильмов — на левой стене, огромный плакат с пирамидой питания — на правой. Моя четырнадцатилетняя пациентка сидела на смотровом столе с рулоном специальной бумаги, который выдавался в ходе осмотра каждому посетителю. Непонятно почему, бумага напомнила мне обертку сэндвича из «Карнеги дели».

Радиатор жарил на полную мощность, потому что в месте, где постоянно раздеваются дети, это просто необходимо. Я был одет в рабочий «костюм»: джинсы, рубашка и яркий галстук с эмблемой благотворительного фонда «Спасение детей» и датой «1994». Я не ношу белый халат. Мне кажется, он пугает малышей.

Моя четырнадцатилетка — я никак не мог отвлечься от ее возраста — была неплохой девочкой. Смешно, но большинство из них именно такие.

Я выписал направление к хорошему гинекологу, потом поговорил с ее матерью. Ничего нового или необычного. Как я уже сказал, приходится заниматься такими вещами почти что каждый день. Мы даже обнялись, перед тем как мать с дочкой вышли. За спиной девочки мы с матерью обменялись взглядами. Ко мне ежедневно приводят своих детей примерно двадцать пять женщин, — правда, к концу недели я могу на пальцах сосчитать тех, кто замужем.

Как я уже говорил, я никого не осуждаю. Я лишь наблюдатель.

Проводив посетителей, я взял медицинскую карту беременной и просмотрел несколько страниц. Я вел девочку с тех пор, как был еще ординатором, а ей исполнилось всего-навсего восемь. Она выросла у меня на глазах. Я попытался вспомнить, как шесть лет назад выглядела моя пациентка, и понял, что девочка мало изменилась. Наконец-то можно зажмуриться и изо всех сил потерять глаза.

И тут истошно заорал Гомер Симпсон: «Почта! Почта пришла! О-о-о-о!»

Пришлось открыть глаза и повернуться к монитору. Гомера Симпсона — одного из героев мультика «Симпсоны» — кто-то построил в систему оповещения компьютерной почты, а я и не возражал. Мне даже нравилось.

Только собрался проверить входящие, заквакал интерком, и Ванда, секретарь, неуверенно проговорила:

— Вас... кхм... вас... просит... Шона.

Я понял ее смятение, поблагодарил и нажал мигающую кнопку.